

По Монголіи до границъ Тибета.

Глава XIV ¹⁾).

Въ Цайдамъ.

Снова въ бассейнъ Желтой рѣки.—Одиночество каравана экспедиціи и баснословное обиліе медвѣдей.—Наши охоты на нихъ.—Впечатлѣніе при видѣ голубыхъ волнъ озера Русскаго.—Знакомая стоянка.—Встрѣча съ Ивановымъ и полученіе почты.—Радостный приходъ въ Цайдамъ.

Теперь, когда экспедиція оставила послѣднія кочевья тибетскихъ номадовъ, мы могли разсчитывать съ большею вѣроятностью, что слѣдующихъ мѣстныхъ обитателей встрѣтимъ только въ Цайдамъ, такъ какъ промежуточный высоко горный районъ на протяженіи почти пятисотъ верстъ не обитаемъ, благодаря крайней суровости климата и постоянному рысканью нголоковъ-разбойниковъ. Словомъ, мы очутились въ такомъ же одинокомъ положеніи, въ какомъ находились годъ тому назадъ, при вступленіи экспедиціи на тибетское нагорье.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 10.

Самою большою неприятностью въ настоящее время для насъ было тибетское ненастье, выражающееся въ видѣ дождя, чаще же снѣжной крупы и снѣга. Тибетское ненастье съ сѣрыми низкими тучами скорѣе переноситъ къ представленію объ осенней или зимней погодѣ, нежели о весенней или лѣтней. Зато караванныя животныя не томились отъ жары и докучливыхъ насѣкомыхъ и въ свободное время были заняты ѣдою свѣжихъ травъ, мѣшавшихся съ прошлогодними.

Въ районѣ маршрута нашей экспедиціи хребетъ Водораздѣлъ въ верхнемъ ноясѣ имѣетъ замѣчательно плоскій характеръ. Непосредственно на вершинахъ переваловъ часто залегаютъ характерныя для всего плоскогорья Тибета «ширики» или болота со множествомъ лужъ и малыхъ озерковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

Какъ на самомъ водораздѣлѣ, такъ равно и по сторонамъ отъ него раскидывается плоскогорье, видимое на большее или меньшее пространство въ зависимости отъ положенія наблюдателя: чѣмъ выше онъ находится и чѣмъ менѣе волнисто плоскогорье, тѣмъ болѣе широкій горизонтъ представляется обзорѣванію и наоборотъ. Спокойная прозрачная атмосфера способствуетъ яркому отраженію многочисленныхъ рѣчекъ и озерковъ, вдоль которыхъ нерѣдко красиво сияютъ отдаленныя цѣпи горъ. Тамъ и сямъ перемѣщаются стада дикихъ яковъ, косяки хулановъ и группы антилопъ или характернымъ пятномъ выдѣляется косолапый представитель Тибета — медвѣдь, разрывающій норки безчисленныхъ *Lagomys'овъ*. Откуда бы ни наблюдалъ путешественникъ, картина животной жизни представляется одинаковой, измѣняются только детали. Можно положительно утверждать, что сѣверо-тибетское нагорье еще на много десятковъ, если не сотенъ, лѣтъ обезпечено въ своей дѣвственно-дикой оригинальной прелести.

Движеніе нашего каравана по безлюдному тибетскому нагорью шло въ общемъ удовлетворительно: ежедневно мы проходили отъ пятнадцати до двадцати верстъ, стараясь выполнить самый переходъ до полудня; такимъ образомъ, остальное время караванныя животныя могли отдыхать на хорошихъ пастбищахъ. При однообразномъ характерѣ мѣстности, однообразно тянулось и самое путешествіе, не только въ теченіе дней, но даже и недѣль. Путешественникъ устаетъ смотрѣть безконечныя увалы и промежуточные рѣчки; минуетъ одну долину, съ вершины холма или высоты открывается слѣдующая, за нею еще и еще и такъ безъ конца. Правда,

въ сухую, ясную погоду горизонтъ значительно расширяется и даетъ возможность порою видѣть горы, отстоящія на большое разстояніе, къ тому же лучшая погода вноситъ и большее оживленіе по отношенію къ животной жизни; въ наблюденіяхъ за нею время бѣжитъ несравненно быстрѣе. Старшій проводникъ Болу ѣхалъ со мною впереди и охотно дѣлился свѣдѣніями не только о тибетцахъ Дза-чю-кава, но даже и объ ихъ сосѣдяхъ, такъ какъ за свой вѣкъ онъ перебивалъ во многихъ странахъ. Подобно всѣмъ тибетцамъ, Болу обладалъ отличнымъ зрѣніемъ и почти всегда раньше насъ усматривалъ вдали что-либо интересное—звѣря или тибетскій развѣздъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ просилъ насъ прибѣгать къ помощи бинокля, чтобы разрѣшить его догадку или предположеніе.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ—пяти дней, считая съ девятнадцатаго мая, экспедиція продвинулась около восьмидесяти верстъ, минуя грань водораздѣла, и съ вершины поперечныхъ холмовъ увидѣла довольно обширную долину рѣчки Сэрг-чю, которая извивается среди мягкихъ зеленыхъ площадей и окаймляющихъ долину горъ, протянувшихся въ сѣверо-западномъ и юго-восточномъ направленіи. Болу радостно замѣтилъ, что по той же самой долинкѣ Сэрг-чю и проходитъ нашъ дальнѣйшій путь къ озерамъ верхней Хуань-хэ; затѣмъ, прочтя на нашихъ лицахъ удовольствіе, онъ добавилъ, что скоро мы должны увидѣть также и тибетцевъ съ караванами соли, направляющихся къ юго-востоку, въ область Сэрта.

Дѣйствительно, съ перваго дня вступленія на лѣвый берегъ Сэрг-чю, экспедиція стала встрѣчать караваны съ солью, шедшіе вверхъ по долинкѣ. Владѣльцы каравановъ сэртасцы выглядѣли такими же грубыми, дикими, подозрительными, какъ и всѣ остальные кочевники-тибетцы, видѣнные нами. Въ дорогѣ они были очень осмотрительны и по отношенію къ караванамъ, и по отношенію къ самимъ себѣ. Небольшіе караваны не превышали сотни яковъ. Отъ численности животныхъ въ караванѣ зависитъ конечно и составъ людей: чѣмъ больше караванъ, тѣмъ многочисленнѣе и отрядъ или партія, его сопровождающая; обыкновенно на десять яковъ приходится одинъ погонщикъ. Днемъ сэртасцы двигались обычнымъ способомъ, громко посвистывая и покрикивая на животныхъ, но ночью ухитрялись проходить съ соблюденіемъ полной тишины, обезпечивъ фланги, авангардъ и арьергардъ. Сэртасцы ѣхали

въ полной боевой готовности съ ружьями за плечами, саблями у пояса и пиками въ правой рукѣ.

Съ перваго нашего бивака на берегу рѣчки Сэрг-чю, наши проводники-дзачюкавасы получили отъ насъ условленную плату и, сверхъ того, подарки и запасы продовольствія въ дорогу, затѣмъ, пріятельски распрощавшись съ нами, укатили во-свои, стараясь быть не замѣченными сэртасцами, которыхъ они уже успѣли ввести къ заблужденію относительно настоящаго дня своего отъѣзда.

Какъ здѣсь, въ долину Сэрг-чю, такъ и южнѣе и сѣвернѣе ея, на всемъ нашемъ пути по безлюдному нагорью, но въ особенности въ районѣ бассейна рѣчки Сэрг-чю, намъ ежедневно приходилось наблюдать отъ пяти—шести до десяти—двѣнадцати и болѣе медвѣдей, промышлявшихъ то поодиночкѣ, то большею частью по два, по три, а однажды пришлось видѣть четырехъ взрослыхъ пищухоѣдовъ, бродившихъ тѣсною компаніей. Въ открытой долине Сэрг-чю, гдѣ среди шириковъ, залегаютъ въ видѣ островковъ глинистыя возвышенія, населенныя пищухами, мы насчитывали съ одного наблюдательнаго пункта до десятка медвѣдей: тамъ, недалеко, рѣзвится медвѣдица съ двумя дѣтенышами, здѣсь двое взрослыхъ звѣрей отдыхаютъ, грѣясь на солнцѣ, вдоль сосѣдняго ручья пробираются разрозненной компаніей три медвѣдя, къ одному изъ которыхъ, самому крупному, подходятъ двое изъ нашихъ охотниковъ, и т. д. Обилію медвѣдей въ Тибетѣ, конечно, способствуетъ и то обстоятельство, что туземцы ихъ не стрѣляютъ, за исключеніемъ охотниковъ, желающихъ воспользоваться шкурой, какъ ковромъ, во время охотничьихъ экскурсій за травоядными. Что же касается нашей экспедиціи, то мы, наоборотъ, рѣдко упустили случай, чтобы не поохотиться на этого звѣря. Всѣми нами въ общей сложности за двѣ весны было убито до сорока медвѣдей, изъ которыхъ пятнадцать пришлось на мою долю.

Въ большой маммологической коллекціи, поступившей въ даръ Зоологическому музею Императорской Академіи Наукъ, имѣются пищухоѣды всякихъ возрастовъ и всевозможныхъ оттѣнковъ шерсти: въ ней найдете и довольно темныхъ съ бѣлымъ ошейникомъ, и однообразныхъ темнобурыхъ, и чалыхъ или пестрыхъ, и даже очень свѣтлыхъ съ совершенно бѣлымъ передомъ. Такихъ медвѣдей, однако, встрѣчается немного: по заключенію туземцевъ по одному на тысячу. Во всякомъ случаѣ, дѣлая подборъ коллекціи *Ursus la-*

Караванъ изъ яковъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ.

gomuarius, намъ удалось добыть три экземпляра, съ болѣе или менѣе свѣтлой окраской шерсти, подъ стать четвертому наиболѣе свѣтлomu, котораго я добылъ еще въ минувшее путешествіе въ среднемъ Нань-шанѣ.

Охота на медвѣдей здѣсь, въ Тибетѣ, производится въ «открытую», если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, замѣтивъ медвѣдя еще издали, охотникъ смѣло идетъ къ нему поближе, сообразуясь, съ какой бы изъ сторонъ всего удобнѣе его скрасть, т. е. приблизиться на выстрѣлъ незамѣченнымъ, считаясь съ отличной способностью медвѣдя далеко чутъ по-вѣтру. Зрѣніе же у этого звѣря, сравнительно, довольно слабое. Всего удобнѣе подходить къ медвѣдю въ то время, когда онъ занятъ ловлей пищухъ или предается отдыху, и наименѣе подходящее время, когда звѣрь направляется скорымъ «ходомъ», будучи напуганъ. Если же медвѣдь спокойно разрываетъ грызуновъ, то обыкновенно норовятъ идти къ нему ускоренно, останавливаясь во время поворотовъ звѣря въ сторону охотника. Если на пути къ медвѣдю имѣются хотя маломальскія прикрытія, то не трудно приблизиться къ цѣли на сотню шаговъ, а то и ближе. Подойдя къ звѣрю, охотникъ съ колѣна или лежа стрѣляетъ въ медвѣдя. Въ большинствѣ случаевъ опытный охотникъ и умѣлый стрѣлокъ однимъ—двумя самымъ большимъ тремя выстрѣлами изъ обыкновенной винтовки уложить звѣря.

Для охоты на тибетскихъ медвѣдей мы употребляли именно трехлинейныя винтовки, стрѣлая или обыкновеннымъ патрономъ, или же патрономъ съ отверстіемъ посерединѣ конуса, залитымъ воскомъ. Послѣдніе патроны, какъ болѣе разрушительные или убойные, мы называли разрывными и примѣняли при первыхъ одномъ—двухъ выстрѣлахъ, при прочихъ же, въ особенности при дострѣливаніи звѣря, употребляли обыкновенные. Бывало, однако, и такъ, что мишка падалъ, словно подстрѣленный перепелъ, и отъ одной простой пули, но это случалось рѣдко, когда выстрѣлъ приходился въ сердце, позвоночникъ или голову.

Изъ многочисленныхъ охотъ на медвѣдей, веденныхъ мною и моими спутниками въ послѣднюю весну въ Тибетѣ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему-либо наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ. Первый случай имѣлъ мѣсто на рѣчкѣ Шур-чю, южномъ склонѣ хребта Водораздѣлъ, двадцатаго мая. Мы успѣли сдѣлать переходъ и расположиться лагеремъ въ глубокой, узкой долиинѣ, окаймленной луговыми скатами. Нѣкоторые изъ

людей отряда отправились на охоту. я же прилежъ вздремнуть, какъ вдругъ слышу голосъ тибетца Болу, который, надо замѣтить, былъ въ свое время страстнымъ охотникомъ, «пэмбо, джэму эджерри!» — т. е. «господинъ, медвѣдь идетъ!»! Дѣйствительно, стоило мнѣ только приподняться, какъ я уже увидѣлъ медвѣдя, медленно шедшаго по косогору. Звѣрь, повидимому, не обращалъ вниманія на нашъ большой бивакъ. Недолго думая, я взялъ свою винтовку, вложилъ въ нее всѣ пять патроновъ—два разрывныхъ и три обыкновенныхъ—и направился на пересѣченіе пути медвѣдя. Однако высота, около 15.000 футовъ надъ моремъ, даетъ себя чувствовать: горло пересыхаетъ, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Сядишься. Невольно смотришь въ сторону медвѣдя и не спускаешь съ него глазъ; мишка попрежнему то движется впередъ, то разрываетъ землю. Наконецъ, зайдя навстрѣчу звѣрю, я прилежъ за бугоркомъ. Жду. Медвѣдя нѣтъ и нѣтъ. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнѣніе охотника исчезло: медвѣдь невадалекъ прилежъ. Ползкомъ продвинувшись десятка два шаговъ, я достигъ второго бугорка. Въ бинокль отлично было видно, какъ вѣтерокъ колыхаетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля—звѣрь грузно свалился наземь. Не мѣняя положенія, я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяреннаго медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ черезъ голову покатился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка неся съ окровавленной пастью, надолго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику...

Въ долині Сэрг-чю мой юный спутникъ Мадаевъ, какъ препа-

раторъ, а можетъ быть и будущій коллекторъ, искалъ среди эгихъ звѣрей наиболѣе интереснаго — бѣлясаго; съ такимъ расчетомъ онъ обошелъ большой участокъ, видѣлъ нѣсколько темныхъ звѣрей, а свѣтлый все не попадался. Уставъ бродить, забайкалецъ рѣшилъ идти домой, на бивакъ, такъ какъ солнце уже склонилось къ горизонту. Покуривая неизмѣнную трубочку, Мадаевъ неожиданно для себя замѣтилъ, наконецъ, бѣлясаго медвѣдя и осторожно изъ за бугорка сталъ подползать къ нему. Звѣрь, ничего не подозревая и не замѣчая, въ свою очередь, также подходилъ къ нашему охотнику ближе и ближе. «Забавно, говорилъ Мадаевъ, было смотрѣть на медвѣдя, какъ онъ, словно парнишка, рылъ мышей, а онѣ все отъ него уходили; я долго наблюдалъ и сердился на медвѣдя, который такъ и не поймалъ ни одной мыши». Совершенно забывъ, что это звѣрь и его надо стрѣлять, нашъ Мадаевъ опомнился тогда лишь, когда медвѣдь ушелъ далеко въ сторону. Охотникъ рѣшилъ направиться къ нему всерьезъ, но на сей разъ звѣрь, замѣтивъ человѣка, пустился на уходъ и только случайнымъ выстрѣломъ Мадаевъ убилъ медвѣдя наповаль, иначе ограничился бы одними наблюденіями.

Не могу не рассказать еще про одинъ курьезнѣйшій случай, имѣвшій мѣсто, впрочемъ, съ нашей собакой Гарза, разбудившей медвѣдя и обнюхивавшей его, словно собаку. Сообразивъ, затѣмъ, мишка вдругъ рывкнулъ и Гарза быстро отскочилъ, но немного спустя, собака опять начала радостно прыгать и ласкаться, будто передъ нею находился не медвѣдь, а такое же животное, какъ она сама. Вся эта исторія происходила въ виду каравана, двигавшагося по долинѣ Сэрг-чю. Пока медвѣдь и собака знакомились другъ съ другомъ, нѣсколько человѣкъ казаковъ открыли по звѣрю беспорядочную стрѣльбу, поранивъ, впрочемъ, медвѣдя въ пятку, отчего мишка неуверенно побѣждалъ спасаться отъ непрошенныхъ гостей. Гарза не отставалъ отъ медвѣдя и я удивляюсь, какъ его не задѣла ни одна шальная пуля. Тибетцы-проводники, вошедшіе въ охотничій азартъ, стремительно понеслись на лошадяхъ за мишкой; послѣдній неуклюже прыгалъ вблизи нашего каравана, часто оглядываясь назадъ. Въ концѣ концовъ мы съ А. Н. Казнаковымъ прикончили съ медвѣдемъ. Послѣдній оказался беззубымъ старикомъ и вызвалъ среди насъ немало искренняго смѣха.

Прекрасному впечатлѣнію, вынесенному вообще о сэргчюской долинѣ способствовала также и порядочная погода, стоявшая нѣ-

сколько дней къ ряду. Въ солнечные, прозрачные проблески сѣверныя и южныя горы представлялись очень красивыми, въ особенности передъ закатомъ солнца, долго не погасавшаго своихъ лучей на ихъ главныхъ вершинахъ, окутанныхъ фіолетовой дымкой. Надъ озеромъ Оринъ-норомъ часто висѣли темныя тучи съ свѣтло-сѣрыми дождевыми полосами.

Тридцатаго мая, по обыкновенію на восходѣ солнца, нашъ караванъ оставилъ послѣднюю изъ значительныхъ рѣчекъ долины Сэрг-чю и сталъ постепенно подниматься въ гору. При взглядѣ на югъ, оставляемая нами долина выдѣлялась рѣзче и рѣзче: это своего рода Одонъ-тала или «звѣздная степь» со множествомъ блестящихъ озерковъ, лужъ и затѣйливыхъ очертаній ручьевъ и рѣчекъ, извивающихся по болотамъ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція поднялась на вершину невысокаго безымяннаго перевала, откуда, дѣйствительно, могла радостно привѣтствовать голубую, зеркальную поверхность знакомаго бассейна озера Русскаго. Почти годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули съ запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манившій насъ своею мягкою лазурью. Въ сѣверной дали вырисовывался силуэтъ хребта Амнэ-нкоръ, бѣлоснѣжныя вершины котораго сливались съ облаками. Цѣлые полчаса я простоялъ на перевалѣ, любясь видами въ ту или другую сторону. Южный горизонтъ будилъ воспоминанія о красотѣ и богатствѣ природы Кама, сѣверный радовалъ счастливымъ достиженіемъ конца нашей главной тибетской задачи. Пропустивъ весь караванъ мимо себя, мнѣ пріятно было прочесть на лицахъ моихъ спутниковъ удовольствіе и радость. Лично же моей радости въ значительной степени способствовало еще и то очень важное обстоятельство, что моя маршрутно-глазомѣрная съемка, веденная на громадномъ протяженіи по восточному Тибету, сомкнулась безъ какихъ бы то ни было мало-мальски существенныхъ натяжекъ.

Еще часъ—другой и нашъ бивакъ уже красовался на возвышенномъ берегу, о который гулко ударялись высокія, прозрачныя волны озера...

На противоположномъ берегу того же самаго залива, экспедиція Н. М. Пржевальскаго отбила нападеніе нголоковъ-хорчи, нѣсколько разъ смѣло бросавшихся тогда на насъ въ атаку. Все прошлое живо возстановилось въ моей памяти. Не хотѣлось вѣрить, что уже минуло семнадцать лѣтъ со времени посѣщенія этой

части озера Русскаго первымъ изслѣдователемъ природы центральной Азіи.

Два дня экспедиція шла по восточному берегу озера, прежде нежели достигла своей прежней стоянки на его сѣверномъ берегу при истокѣ Хуанъ-хэ.

Высокій нагорный берегъ озера состоитъ изъ луговыхъ уваловъ, болѣе или менѣе полого спускающихся отъ гребня главной гряды и круто обрывающихся къ озерной поверхности. Очень удобная дорога проходитъ самымъ берегомъ и съ наиболѣе высокихъ береговыхъ мысовъ открываетъ превосходные виды. Темно-голубая поверхность озера въ большинствѣ случаевъ пестрѣла волнами, плавно катившимися на просторѣ и гулко разбивавшимися о скалистые или песчано-галечные берега. Южные и западные береговые мысы вырисовывались слабо, такъ какъ надъ озернымъ бассейномъ висѣла туманная дымка, сокращавшая горизонтъ. Съ береговыхъ утесовъ и скалъ то и дѣло снимались гвѣздившіеся на нихъ индійскіе гуси, турпаны, бакланы, на волнистой поверхности дивно-прозрачныхъ водъ, словно поплавки, качались чайки, крачки, крахали, оголи и другія плавающія птицы. Вблизи берега, въ глубокихъ омутахъ, стояли стаи крупныхъ рыбъ. Пышныя прибрежныя пастбища ютили стройныхъ антилопъ-ада, рогатыхъ оронго, рѣже аргали и хулановъ; медвѣдей не встрѣчалось вовсе.

Придя къ истоку Хуанъ-хэ, экспедиція расположилась лагерьмъ на прежнемъ мѣстѣ, на правомъ берегу рѣки. Сухой аргаль нашихъ караванныхъ животныхъ послужилъ отличнымъ топливомъ. На площадкѣ бивака, кое-гдѣ изрытой медвѣдями, валялись ненужные предметы, брошенные нами при прежней здѣсь стоянкѣ но зато цинковыхъ ящиковъ, зарытыхъ подъ очагомъ, не оказалось; вѣроятно нголоки произвели хорошій осмотръ въ наше отсутствіе и сочли пустые ящики за какую либо драгоценность. Мы же такъ бережно спрятали куда негодные цинковые ящики отъ патроновъ просто изъ любопытства.

Въ день нашего вступленія на сѣверный берегъ Оринъ-нора, перваго іюня, испортившаяся было погода вновь исправилась; утренній дождь снособствовалъ лишь очищенію и большей прозрачности воздуха. Хребетъ Амнэ-нкоръ рѣзко выдѣлялся на сѣверѣ горизонта. Ко времени погасанія зари не осталось ни одного облачка. Немного позднѣе мои знакомыя созвѣздія предстали во

всей прелести и дали мнѣ возможность произвести повторительный рядъ астрономическихъ наблюдений, очень важный для проверки хода хронометровъ. На слѣдующій день тѣ же опредѣленія удались и по отношенію къ дневному свѣтилу; затѣмъ, не успѣлъ я еще убрать инструмента, какъ небо покрылось тучами, по долину пронесся порывистый вѣтеръ, озеро потемнѣло, нахмурилось и стало грозно ударять своими пѣнистыми волнами. Позднѣе сталъ накрапывать дождь, не перестававшій въ теченіе всей ночи. Въ такую погоду намъ особенно хотѣлось скорѣе попасть въ Цайдамъ.

Движеніе экспедиціи въ области Амнэ-нокора шло въ общемъ успѣшно. Новаго противъ прежнихъ наблюдений ничего не прибавилось. Самый переваль представлялъ прежнія удобства и неудобства; попрежнему у гребня, на сѣверномъ склонѣ, лежалъ снѣгъ; попрежнему въ верхнемъ поясѣ было сыро, прохладно и попрежнему самой дорогой добычей по части зоологическихъ сборовъ послужили интересные выюрки (*Kozlowia Bobowskii*).

Подходя къ нашей старой стоянкѣ у скаль, окаймленныхъ тальникомъ, мы увидѣли большое стадо куку-ямановъ, пасшихся по гребню горъ. Дадай при этомъ замѣтилъ: «здѣсь напрасно искать медвѣдей, ихъ нѣтъ, иначе куку-яманы не паслись бы такъ открыто; эти звѣри обладаютъ великой способностью видѣть и чуютъ медвѣдя на порядочное разстояніе». Нами еще раньше рѣшено было дневать въ этомъ мѣстѣ и послать отсюда на складъ въ Цайдамъ одного изъ цайдамскихъ монголовъ—Гардэ, съ письмомъ къ Иванову, чтобы послѣдній ѣхалъ къ намъ навстрѣчу.

Въ долину Алыкъ-норинъ-холь сильно сказывалось ближайшее сосѣдство сухой, знойной котловины Цайдама; согрѣтый воздухъ былъ наполненъ тонкой пылью; вдоль рѣчки часто проносились высокіе столбы вихрей. Промчавшійся табунъ хулановъ также оставлялъ за собою большое облако пыли. Кромѣ хулановъ, часто смѣло подбѣгавшихъ къ нашему каравану на разстояніе до ста шаговъ, у подножій горъ паслись стада дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; тамъ и сямъ показывались волки, лисицы и ярссы, промышлявшіе за пищухами; по зарослямъ обленихи держалось много зайцевъ.

Мои спутники съ большимъ интересомъ охотились на послѣд-

нихъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; медвѣдей не встрѣчалось, за исключеніемъ одного, застигнутого, пожирающимъ хулана. вѣроятно, подстрѣленного монголами или другими охотниками. Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что тибетскій медвѣдь остатки своей добычи зарываетъ или засыпаетъ землей. Наблюдая медвѣдя за этимъ занятіемъ издали, мы долгое время не могли понять, что имѣемъ дѣло съ означеннымъ звѣремъ, который, находясь впереди нашего каравана, то поднимался на подобіе чело-вѣка, то опускался уподобляясь звѣрю, и только приблизившись къ нему на полверсты, мы отлично различили въ бинокль, что это былъ никто иной, какъ медвѣдь, направившійся затѣмъ въ горы. Соблюдая нѣкоторую осторожность, мнѣ удалось встрѣтиться съ медвѣдемъ на очень близкомъ разстояніи и застрѣлить его.

Между тѣмъ нетерпѣніе наше попасть въ Цайдамъ расло съ каждымъ днемъ. Мы всѣ невольно всматривались въ ту часть хребта Бурханъ-Будда, откуда могъ и долженъ былъ показаться нашъ Ивановъ. Послѣдній, дѣйствительно, былъ обнаруженъ въ ожидаемый нами день и приблизительно въ намѣченномъ направленіи. Приѣздъ Иванова оживилъ нашъ бивакъ. Пошли справки и разспросы... Прежде всего цайдамскій отшельникъ порадовалъ меня докладомъ о хорошемъ состояніи склада, а затѣмъ врученіемъ почты—первой со времени нашего двухлѣтняго странствованія, если не считать десятка писемъ, полученныхъ пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ Сининѣ. Кто-то изъ моихъ спутниковъ справедливо замѣтилъ, что Ивановъ, приѣхавшій къ намъ на прекрасной откормленной лошади, въ бѣломъ нарядномъ кителѣ съ разодѣтымъ цайдамскимъ монголомъ, составилъ полный контрастъ по отношенію даже къ членамъ экспедиціи, не говоря уже про конвой,—такъ обносились мы всѣ, участники тибетской экскурсіи. Лица наши вполнѣ гармонировали съ нашимъ потрепаннымъ одѣяніемъ.

Спустя нѣкоторое время Ивановъ болѣе спокойно рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цайдамѣ. Самымъ великимъ лишеніемъ, говорилъ онъ, для всѣхъ ихъ составляло неполученіе прямыхъ свѣдѣній объ экспедиціи; тѣ же чуждые рассказы, которые передавались богомольцами или другими странниками-туземцами ихъ не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; нѣкоторому сомнѣнію въ благополучіи экспедиціи способствовали позднѣйшіе толки, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Тибета и согласо-

вавшіеся между собою о гибели экспедиціи, но они твердо вѣрили, что этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо изъ персонала экспедиціи.

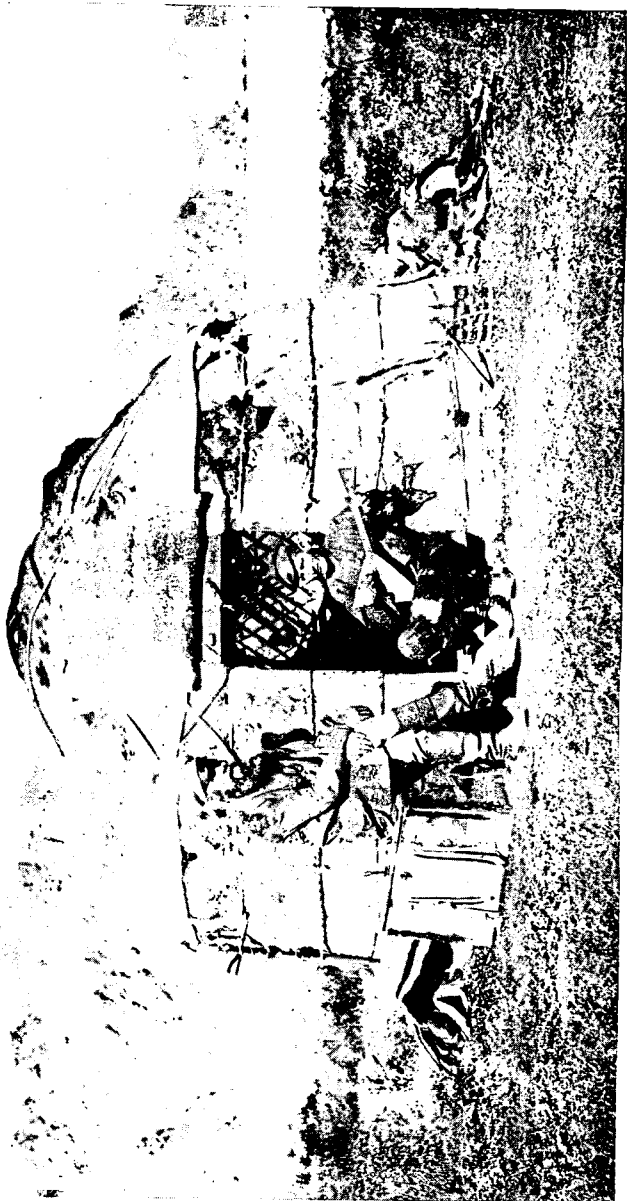
До поздней ночи отрядъ не ложился спать; да и въ постеляхъ долго еще можно было слышать мягкіе голоса путниковъ, мирно бесѣдовавшихъ о своей родинѣ: повидимому у всѣхъ на душѣ было легко, хорошо. Къ тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; сводъ неба былъ унизанъ звѣздами и серпомъ молодой луны.

Переваль Бурханъ-Будда былъ первымъ и послѣднимъ переваломъ на пути экспедиціи по нагорью Тибета. Имѣя наиболѣе низкія точки на сѣверѣ (Цайдамъ 9.380 футовъ) и на югѣ (окрестности Чамдо 11.170 футовъ), въ мѣстахъ, гдѣ проведено экспедиціей всего нѣсколько дней, мы все остальное время находились, принимая во вниманіе, конечно, срокъ лишь одной тибетской экскурсіи, значительно выше—отъ 14.000 до 16.000 футовъ надъ моремъ. Даже относительно низкая и теплая долина ущелье Рэ-чю, гдѣ зимовала экспедиція, и та имѣетъ около 12.000 футовъ. Средняя же высота страны, охваченной маршрутомъ экспедиціи имѣетъ болѣе 13.000 футовъ надъ моремъ или, что то же самое, около четырехъ верстъ выше Петербурга.

Такимъ образомъ, наша тринадцати-мѣсячная тибетская экскурсія была счастливо доведена до конца.

Въ привѣтливомъ и богатомъ пастбищемъ урочищѣ Шар-тологойнын-амынъ, приподнятомъ почти на 11.000 футовъ надъ моремъ, куда Ивановъ перенесъ свой пастушескій лагерь для встрѣчи экспедиціи, мы всѣ, тибетскіе странники, почувствовали себя легко и хорошо. Нашъ обширный бивакъ удобно расположился на береговой террасѣ, среди густой свѣжей зелени, прорѣзанной журчащими канавками прозрачной воды.

Солнце пригрѣвало по-лѣтнему; по утрамъ и вечерамъ, да и днемъ нерѣдко, насъ донимали комары, отъ которыхъ положительно нигдѣ нельзя было уберечься. Эти кровопійцы проникали съ цайдамскихъ болотъ не только въ предгорья, но даже въ средній и отчасти въ верхній поясъ горъ, не щадя никого и ничего. По счастью, конвой экспедиціи, благодаря заботѣ моей жены, получилъ достаточное количество русскихъ платковъ съ историческими рисунками, сослужившими хорошую службу при защитѣ отъ этого сибирскаго «гноса». Изъ животныхъ, болѣе другихъ страдали отъ

Цайдамские отшельники Ивановъ и Афугинъ.
(Въ своемъ лагерь въ горахъ Цайдама въ ожиданіи экспедиціи).

укусовъ комаровъ, верблюды, которые находились въ это время въ сильномъ линянїи. Экспедиціонныхъ верблюдовъ къ нашему приходу въ Цайдамъ состояло налицо тридцать одинъ; лошадей—четыре. О приобрѣтенїи первыхъ, о доведенїи ихъ числа до пятидесяти пяти, пришлось серьезно позаботиться. Но мы не падали духомъ, такъ какъ пришедшая одновременно съ нами въ Цайдамъ добавочная почта развязывала намъ руки. Экспедиціонный денежный пакетъ, счастливо миновавшій разбойниковъ, боксеровъ, былъ полученъ Россійскимъ посольствомъ въ Пекинѣ и благодаря предупредительности и любезности нашего посланника, глубокоуважаемаго М. Н. Гирса, переводъ китайскаго серебра въ Сининъ на мое имя уже состоялся. Только теперь, болѣе или менѣе обстоятельно, мы узнали о минувшей европейско-китайской войнѣ. Оказывается, весь періодъ войны экспедиція находилась въ глубинѣ Тибета и счастливо избѣжала, могущихъ произойти съ китайцами нежелательныхъ осложненій. Теперь мы болѣе, нежели въ свое время въ Тибетѣ, радовались, что наша комбинація попасть въ Сун-пан-тинъ не удалась; въ Сун-пан-тинѣ, среди китайцевъ, особенно враждебно настроенныхъ тамъ противъ европейцевъ, могла пострадать экспедиція.

Оба китайца-переводчика, командированные сининскимъ Цинь-цайемъ съ пакетами въ экспедицію, долго не вѣрили собственнымъ глазамъ, что нашли всѣхъ насъ живыми. Имъ было строжайше приказано, въ случаѣ экспедиціи не окажется въ Цайдамѣ, слѣдовать въ Тибетъ, но говорили они: «Мы бы, конечно, дальше Цайдама никуда не ушли, ибо и сюда попасть намъ стоило не малыхъ трудовъ и лишеній. Какъ теперь будетъ радъ нашъ да-жень, узнавъ о вашемъ благополучїи; вѣдь въ Сининѣ почти увѣрены, что русская экспедиція погибла и что главному начальнику края придется отвѣтить за безпечность. Намъ, продолжалъ говорить старшій переводчикъ, на всякій случай приказано, узнавъ объ экспедиціи, переписать ея оставшихся въ живыхъ участниковъ, равно отмѣтить количество вьюковъ, животныхъ и скорѣе направиться обратно». Подъ радостнымъ впечатлѣніемъ китайцы, однако, прожили у насъ на бивакѣ около недѣли, въ теченіе которой я имѣлъ возможность помимо официальныхъ донесеній и телеграммъ, написать еще и частныя письма къ роднымъ и друзьямъ, болѣвшимъ за насъ душою.

Пока я писалъ отчетъ и письма, у насъ на бивакѣ, несмотря

на отдаленность, перебивало немало цайдамцевъ, во главѣ съ Барунъ-цзасакомъ, давшимъ о моихъ людяхъ, о ихъ сверхъ годичномъ пребываніи въ Цайдамѣ, самый лучшій отзывъ. Въ свою очередь, я достойнымъ образомъ аттестовалъ всѣхъ четырехъ монголовъ, сопутствовавшихъ мнѣ въ Тибетѣ, и наградилъ ихъ свыше ожиданій деньгами и вьючнымъ скотомъ, служившимъ экспедиціи въ странѣ Далай-ламы.

Трогательно распрощавшись со спутниками монголами и приготовивъ почту въ Россію, я отправился на метеорологическую станцію, отстоящую въ тридцати верстахъ къ сѣверу. Мнѣ сопутствовали, помимо сининскихъ китайцевъ, В. Ѳ. Ладыгина, Бадмажанова, еще и двое гренадеръ. Бивакъ остался въ вѣдѣніи А. Н. Казнакова. Разстояніе до хырмы Барунъ-цзасака мы проѣхали въ теченіе пяти утреннихъ часовъ по глинисто-каменистой или песчаной равнинѣ, имѣвшей болѣе или менѣе пологое паденіе въ слѣдуемомъ нами направленіи. На складѣ, украшенномъ гирляндами цвѣтковыхъ растений, я нашелъ образцовый порядокъ. Лицо моего незамѣнимаго наблюдателя Муравьева дышало искренней радостью; вѣреннаѣ ему метеорологическая станція работала непрерывно, всѣ инструменты дѣйствовали исправно и онъ лучшимъ образомъ справился не только съ обычными періодическими наблюденіями, но даже и съ часовыми, производимыми ежедневно съ семи часовъ утра до девяти вечера въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ—іюля, октября, января и апрѣля, т. е. среднихъ изъ каждаго времени года. Мнѣ только теперь пришло на умъ, кто бы замѣнилъ Муравьева, если бы онъ вдругъ заболѣлъ?... По счастью, этого не случилось: экспедиціонный отшельникъ чувствовалъ себя очень порядочно, отдавшись цѣликомъ своему занятію. Производство Муравьева въ старшіе унтеръ-офицеры являлось съ моей стороны лишь выраженіемъ должнаго признанія его значительныхъ заслугъ....

На станціи я произвелъ цѣлый рядъ повѣрочныхъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій.

Мѣстное населеніе отчасти ютилось посрединѣ равнины на лучшихъ пастбищахъ; большею же частью жило въ сосѣднихъ горахъ, отстоящихъ къ югу. Тѣ и другіе обитатели, отъ времени до времени, заглядывая въ хырму для осмотра имущества, навѣщали и меня; теперь они были богаты кумысомъ и всѣ несли въ подарокъ этотъ полезный напитокъ. Наши отношенія съ цайдамцами

еще болѣе улучшились, въ особенности, послѣ того, какъ возвратившіеся изъ Тибета ихъ довольные собраты подробно рассказали имъ о нашемъ совмѣстномъ, богатомъ приключеніямъ, странствованіи среди воинственныхъ племенъ Кама.

Такимъ образомъ, совершенно незамѣтно для меня мелькнулъ недѣльный періодъ, проведенный мною вдали отъ главнаго бивака. На послѣднемъ, по сообщенію А. Н. Казнакова, «опять наступило военное время». Какъ-то разъ, когда оба наши препаратора, Телешовъ и Мадаевъ, уѣхавъ въ сообществѣ монгола вверхъ по ущелью Хату за двадцать верстъ отъ бивака, увлекались охотою, въ одного изъ нихъ, а именно Мадаева, разбойники тангуты, устроивъ засаду, предательски стрѣляли. Но счастье... который уже разъ... опять выручило! Одна изъ пуль разбойниковъ прострѣлила фуражку и чуть-чуть обожгла голову. Первый выстрѣлъ, вѣроятно, лучшаго изъ стрѣлковъ, былъ такъ неожиданъ, что Мадаевъ, быстро повернувшись на мѣстѣ, оступился и полетѣлъ съ кручи внизъ; только оправившись и понявъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ отвѣчать огнемъ своей винтовки, цѣлясь на дымъ, появлявшійся отъ слѣдующихъ беспорядочныхъ выстрѣловъ прочихъ тангутовъ. Самихъ же разбойниковъ не было видно, за исключеніемъ одного, выглянувшаго вслѣдъ за произведеннымъ первымъ выстрѣломъ; они сидѣли за скалистымъ гребнемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что мой юный страстный охотникъ экскурсировалъ съ двумя ружьями—дробовикомъ и винтовкой; въ моментъ чуть не рокового выстрѣла онъ разсматривалъ свою добычу—куку-ямана и уллара, убитыхъ въ розсыпяхъ. Отъ звѣря Мадаевъ собирался взять небольшую часть мяса, а птицу бережно завернуть и спрятать въ ягдташъ, но то и другое, конечно, осталось на мѣстѣ, такъ какъ Мадаевъ, отстрѣливаясь отъ разбойниковъ, направился къ охотничьему лагерю, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидалъ Телешовъ. Обсудивъ свое положеніе, препараторы осѣдлали лошадей и благополучно возвратились на главный бивакъ.

Монголы, узнавъ объ этомъ происшествіи, въ одинъ голосъ твердили, что тангуты-разбойники, по всему вѣроятію, не подозревали о возвращеніи русскихъ изъ Тибета, иначе они ни за что не рѣшились бы этого сдѣлать, будучи достаточно проучены годъ тому назадъ двумя русскими людьми во время ихъ ночного подступа къ русскимъ верблюдямъ. «Теперь, продолжали говорить тѣ же монголы, можно быть увѣреннымъ, что разбойники не при-

близятся къ русскимъ даже на порядочное разстояніе въ теченіе всего пребыванія ихъ экспедиціи въ Цайдамъ, но горе будетъ намъ послѣ ухода русскихъ: тангуты непременно отомстятъ за неудачу хоть тѣмъ, что нападутъ на насъ».

Предсказаніе монголовъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ намъ, сбылось. Послѣдующія экскурсіи въ районъ тѣхъ же горъ были вполне благополучны и обогатили нашъ зоологическій сборъ медвѣжьимъ скелетомъ, припарированнымъ на мѣстѣ.

Въ области разсматриваемыхъ горъ медвѣдь смѣло заходитъ по ночамъ на монгольскія стойбища и крадетъ барановъ. Незадолго же до нашего возвращенія изъ Тибета, мишка неожиданно появился днемъ и, приблизившись къ открытой двери одной изъ юртъ, остановился, разинулъ пасть и началъ громко реветъ. По счастью, въ юртѣ оказалось двое охотниковъ, которые тутъ же на мѣстѣ и уложили непрошеннаго гостя. Минувшей же осенью, въ двадцатыхъ числахъ ноября, въ ущельи Бургусутай тибетскій медвѣдь произвелъ настоящій погромъ. По словамъ монголовъ, произошло слѣдующее: одна изъ цайдамскихъ семей, состоявшая изъ старухи матери и молодого сына съ женою, со всѣмъ своимъ скарбомъ и скотомъ перекочевывала изъ средняго пояса горъ въ нижній. Прибывъ въ намѣченное для лѣтовки урочище, кочевники приготовились устраивать свое походное жилище, какъ неожиданно, изъ ближайшихъ кустовъ, къ нимъ вышелъ медвѣдь. Хозяинъ дома встрѣтилъ звѣря ударомъ сабли, не причинившимъ, однако, медвѣдю серьезнаго вреда. Озлобленный мишка быстро покончилъ съ монголомъ, круто изогнувъ его желѣзный клинокъ, и напалъ на несчастныхъ женщинъ, которыя подверглись той же участи. По умерщвленіи монгольской семьи, звѣрь разорвалъ цѣпную собаку и нѣсколькихъ барановъ. Отвѣдавъ затѣмъ мяса людей и барановъ, свирѣпый мишка стащилъ всѣхъ своихъ жертвъ въ одно углубленное мѣстечко и покрылъ войлоками, деревьями и другими принадлежностями юрты; образовавъ, такимъ образомъ, груды изъ хлама, онъ расположился на немъ отдыхать. Эту картину засталъ одинъ монголъ, не рискнувшій, однако, выстрѣлить на бросившагося на него медвѣдя; потомъ, трое лучшихъ мѣстныхъ охотниковъ убили злобнаго звѣря.

Въ послѣднихъ числахъ іюля прибылъ, наконецъ, изъ командировки въ цайдамскіе хошуны Бадмажановъ, отлично выполнившій всѣ возложенныя на него порученія. Вслѣдъ за симъ, экспеди-

ція начала усиленно готовиться къ выступленію въ дальнѣйшій путь, къ дому. Верблюдовъ у насъ было теперь около шестнадцати, лошадей также полный комплектъ. Тибетскіе кони все еще не привыкли къ верблюдамъ, хотя уже не такъ ретиво фыркали и перестали взвиваться на дыбы при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ.

Тридцатаго іюля нашъ большой караванъ оставилъ насиженное мѣсто и въ два перехода перенесъ свой бивакъ въ сосѣдство метеорологической станціи, гдѣ при ключевомъ урочищѣ Багатурюкъ, расположился на дневку. Сюда были доставлены остальные вьюки, хранившіеся на складѣ въ хырмѣ Барунъ-цзасака; сюда же прибылъ и нашъ отшельникъ, завѣдывавшій метеорологической станціей, и отвѣтственный наблюдатель Муравьевъ, привезшій намъ достаточное количество печенаго хлѣба, изготовленнаго имъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней. Разставаясь съ хырмой, я опечаталъ метеорологическую будку, на которую прибилъ металлическую дощечку съ надписью на русскомъ и англійскомъ языкахъ: «Метеорологическая станція Тибетской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

Монголы, приходившіе прощаться, положительно осаждали нашъ лагерь; какъ и прежде, они угощали насъ неизмѣннымъ кумысомъ. Прибыли также Барунъ-цзасакъ и Хамбо-лама, тибетецъ, оба подарившіе мнѣ на память по лошади. Наши подарки приходили къ концу. Кромѣ монголовъ барунскаго хошуна, ко мнѣ пріѣхали съ прощальнымъ привѣтомъ и представители хошуна Цзунъ-цзасака и представители Курлыкъ-бэйсэ. Для меня не могло быть большаго удовольствія, какъ то, которое я теперь переживалъ, убѣждаясь въ искренности лучшихъ къ намъ отношеній монгольскаго народа.

Глава XV.

По восточному Нань-шаню.

Поперекъ Нань-шаня.—Дуланъ-хитъ.—Новый путь черезъ долину озера Далай-дабасу.—Вдоль южнаго берега Куку-нора.—Китайскіе города Донгаръ и Сининъ; дружелюбная встрѣча съ администраціей послѣдняго.

Если съ приходомъ экспедиціи въ Цайдамъ съ сѣвера считался оконченнымъ первый актъ ея дѣятельности, то съ возвращеніемъ

въ эту страну съ юга окончился и второй—самый важный, составлявшій основную задачу путешествія. Теперь всталъ на очередь третій и послѣдній актъ—слѣдованіе экспедиціи къ роднымъ предѣламъ.

Второго августа 1901 г., чуть забрезжила на востокъ заря, нашъ караванъ отправился на пересѣченіе обширной долины Цайдама, держа сѣверо-восточное направленіе. Утренняя тишина воздуха нарушалась отдѣльными голосами птицъ, вспархивавшихъ и перелетавшихъ съ ближайшихъ къ дорогѣ кустовъ. Хребетъ Бурханъ-Будда провожалъ насъ сурово: надъ нимъ висѣли мрачныя грозовыя тучи, тогда какъ надъ долиной и впереди лежавшими горами, небо было почти безоблачнымъ. Съ каждымъ послѣдующимъ часомъ воздухъ нагрѣвался ощутительнѣе; мучительная мошка исчезла, но на смѣну ей появились еще болѣе мучительныя для животныхъ—овода. Покорные верблюды шли съ обычнымъ смиреніемъ, но лошади сильно отбивались, то и дѣло останавливаясь на ходу. Монгольскій скотъ стоялъ, понуривъ головы, подлѣ жилищъ кочевниковъ или забивался куда-либо въ чащу кустарниковъ.

Баянъ-голь въ это время имѣлъ широкій, свыше ста саженой, плёсъ, по краямъ котораго быстро неслись грязныя волны рѣки, въ видѣ двухъ рукавовъ, разобщенныхъ песчано-глинистою мелью. Наибольшая глубина брода не превышала двухъ футовъ и мы, благодаря опытности проводника Баля, благополучно переправились. Правый или сѣверный берегъ Баянъ-гола отличался еще болѣе тучными пастбищами, нежели лѣвый; съ сѣвера долину пріятно разнообразяютъ обширныя болота Иргицюль и Даланъ-тургынъ, съ многочисленными озерками, обставленными высокимъ камышемъ. По утрамъ и вечерамъ здѣсь замѣчалось оживленіе среди плавающихъ и голенастыхъ пернатыхъ.

Въ густыхъ прибрежныхъ заросляхъ хармыка, судя по оставленнымъ слѣдамъ, бродили медвѣди.

По дорогѣ, намъ попались навстрѣчу цайдамскіе монголы, возвращавшіеся изъ Донгэра со всевозможными покупками, необходимыми въ обиходъ кочевника. Обрадованные неожиданнымъ свиданіемъ съ экспедиціей, цайдамцы откровенно говорили намъ, что своему благополучію въ дорогѣ они обязаны исключительно русскимъ, т. е. намъ, кого такъ сильно боятся кукунорскіе тангуты. Считаюсь съ этимъ обстоятельствомъ, монголамъ достаточно

было заявить, что они везутъ русскую почту, чтобы вполнѣ гарантировать свою безопасность со стороны неоднократныхъ подступовъ грабителей оронгынъ. На прощаніи, находчивые монголы просили насъ, при случаѣ, не выдавать тангутамъ ихъ «военную хитрость».

За долиной Баянъ-гола мѣстность на нашемъ пути постепенно повышается; глинисто-солончаковая почва смѣняется песчаной или хрящеватой; взамѣнъ же богатыхъ равнинныхъ пастбищъ, поднимаются пустынные холмы или увалы, придающіе пейзажу крайне печальную картину. Послѣдняя еще болѣе омрачилась дождемъ, не перестававшимъ падать почти весь день. По случаю той же ненастной погоды мы не могли видѣть съ командующихъ высотъ, какъ весною прошлаго года, колоссальнаго хребта Бурханъ-Будда, чтобы бросить этой сѣверной грани Тибета нашъ прощальный взглядъ.

Къ сумеркамъ погода улучшилась, облака порѣдѣли, а затѣмъ и совершенно исчезли, открывъ темно-голубой сводъ неба, на которомъ, кромѣ яркихъ звѣздъ и планетъ, красиво выдѣлялся серпъ молодой луны. Со времени оставленія тибетскаго нагорья, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, я ни разу не наблюдалъ такого дивно прозрачнаго неба. Между тѣмъ въ воздухѣ ощущалась крайняя сырость. Утромъ сосѣднія горы вновь «закурились» кучевыми облачками, картинно отдѣлявшимися въ высь и заполнявшими собою, словно льдины въ рѣкѣ, свободныя лазоревыя пространства. Ко времени выступленія каравана, надъ долиною уже висѣли сплошныя сѣрыя осеннія тучи и полился мелкій дождь, къ счастью не надолго—черезъ часъ выглянуло солнце: облака исчезли столь же скоро, сколь скоро появились. Въ быстро согрѣтомъ воздухѣ слышалось сплошное жужжаніе комаровъ и мошки, роями витавшихъ у несчастныхъ верблюдовъ. Тамъ и сямъ журчали ручьи, несшіе воду въ общую котловину соленыхъ бассейновъ Дуланъ и Сэрхэ-норовъ. Связывающая эти озера протока Боринъ-холь была переполнена соленой, грязной жидкостью и поэтому осложнила переправу въ бродъ еще болѣе, нежели весною минувшаго года, при переднемъ нашемъ движеніи въ Тибетъ. Скользящая, липкая грязь довершала путевыя невзгоды и трудности. Наконецъ, благополучно выбравшись изъ соленой грязи и вступивъ въ обсохшую уже полосу равнины, мы вновь принуждены были остановиться на часъ—другой. На этотъ разъ насъ задержалъ горный

потокъ, пришедшій валомъ съ сѣвера. По спаденіи этихъ горныхъ водъ, мы кое-какъ добрались до передового каменистаго выступа или холма Эрдэни-обо и здѣсь при «Драгоценномъ источникѣ» могли удобно расположиться и высушить походныя принадлежности.

Сосѣдняя кумирня Дуланъ-хитъ успѣла подремонтироваться и выглядѣла несравненно лучше нежели то было при нашемъ первомъ ея посѣщеніи. Какъ ламы, такъ и простые обитатели-монголы относились къ экспедиціи весьма любезно и предупредительно. Тангуты же, случайно проѣзжавшіе по долину, къ намъ почти не заглядывали; съ этими своенравными кочевниками, въ большинствѣ случаевъ, намъ не удавалось заводить дружескихъ отношеній. На мой вопросъ къ монголамъ: «почему тангуты сторонятся насъ?» — я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «оронгыны любятъ появляться въ видѣ непрощенныхъ гостей, а такихъ вы сами не жалуете».

На утро, распрощавшись съ цайдамскими проводниками, мы не безъ труда подняли нашъ караванъ и двинулись къ озеру Цаганъ-нору. Наиболѣе отраднымъ уголкомъ послѣдняго, можно считать сѣверный берегъ, гдѣ у подножья красно-гранитныхъ скалъ выбѣгаетъ студеныи, прозрачный ключъ, орошающій прізерный лугъ. На этомъ ключѣ мы дважды располагались бивакомъ—въ передній и обратный путь. Въ обоихъ случаяхъ кочевниковъ мы здѣсь не видѣли, хотя, судя по слѣдамъ, они проживали на озерѣ незадолго до нашего послѣдняго прихода. На тихой поверхности Цаганъ-нора держалось значительное количество горныхъ гусей и утокъ; затѣмъ, часто раздавались голоса турпановъ, ютившихся обособленными семьями; вдоль береговъ проносились зуйки, кулики-улиты и песочники; по выступамъ скалъ сидѣли орланы, вблизи которыхъ монотонно ворковали каменные голуби; среди бивака, на камняхъ, доврчиво усаживались чекканы, краснохвостки, удоды; высоко, у карнизовъ, витали горныя ласточки, съ громкимъ щебетаніемъ нападавшіе на рыжихъ соколовъ.

Обогнувъ, ближайшіе къ восточному берегу озера горныя мысы, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, прибыла въ долину озера Далай-дабасу. Въ этой долину мы устроили дневку, въ цѣляхъ пріобрѣтенія нѣсколькихъ штукъ верблюдовъ. Недоврчивые монголы, съ сердитымъ начальникомъ во главѣ, вначалѣ были очень не сговорчивы, но затѣмъ смирились и, продавъ намъ трехъ вер-

блюдовъ, стали нерѣдко заглядывать въ нашъ лагерь. Отъ монголовъ мы узнали любопытную исторію, что будто бы ихъ сосѣди тангуты, желая поскорѣе избавиться отъ монголовъ, начинаютъ надоѣдать послѣднимъ ежедневными массовыми посѣщеніями ихъ жилищъ подъ видомъ «гостей». По словамъ монголовъ, тангутскіе визиты крайне непріятны и они волей-не волей очень часто дѣйствительно перебираются на новыя мѣста.

Въ послѣднее время пребыванія экспедиціи въ долинѣ соленого озера погода значительно улучшилась: настали ясные, теплые дни, хотя по ночамъ температура спускалась до трехъ градусовъ ниже нуля; воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и давалъ возможность любоваться небомъ днемъ и ночью. Въ горахъ, на значительной высотѣ надъ моремъ, чистота и интенсивность небесной лазури бывають таковы, что можно въ теченіе цѣлыхъ часовъ безмолвно смотрѣть и восхищаться обаятельною прелестью неба. Не менѣе прекрасны въ этой долинѣ бывали и вечера, озаряемые мягкимъ луннымъ свѣтомъ, разливавшимся по озерной глади и вершинамъ сосѣднихъ горъ. Нашъ бѣлый шатеръ пронизывался не только блескомъ луны, но даже блескомъ другихъ планетъ и крупныхъ звѣздъ. Съ вечера, погружившись въ думы, невольно смотришь на яркія точки свѣтилъ, медленно плывущихъ въ пространствѣ отъ одного конца горизонта къ другому. По ходу планетъ и звѣздъ мы отсчитывали ночное время, не прибѣгая къ часамъ. Въ ясныя ночи наши часовые, подобно мѣстнымъ кочевникамъ, часто также руководствовались положеніемъ на небѣ созвѣздія Большой Медвѣдницы, чтобы въ свое время поднять на ноги би-вакъ.

На утренней зарѣ караванъ обыкновенно выступалъ въ путь; косые лучи солнца вначалѣ освѣщали лишь вершины горъ, и только значительно позднѣе—открытыя части долинъ. Зеркальная поверхность озера одинаково красиво отражала какъ отдаленные могучіе вѣнцы горъ, такъ и небольшіе предметы, въ родѣ верблюдовъ и лошадей, пасшихся или проходившихъ въ караванѣ вблизи озера.

Въ такую прекрасную погоду, семнадцатаго августа, намъ удалось подняться на хребетъ Южно-кукунорскій и съ его сѣдловины—Цзагостѣнь-котуль—увидѣть Куку-норъ или голубое озеро. Правда, на этотъ разъ сѣровая окраска воды далеко не оправдывала монгольскаго названія, тѣмъ не менѣе общій видъ озера былъ

величественно прекрасенъ. За крутымъ сѣвернымъ склономъ Южно-кукунорскаго хребта широкою гладью разстилалась его блестящая поверхность, на которой рѣзко выдѣлялись полуострова и острова, въ особенности большой или главный островъ—Куйсу, гдѣ имѣется небольшая кумирня и проживаютъ ламы. Противоположный же берегъ озера, казалось, сливался съ облаками, утопавшими въ волнахъ Куку-нора.

Кочевыхъ тангутовъ мы встрѣтили на южномъ склонѣ хребта, куда они перебрались съ сѣвернаго незадолго до нашего прихода. Своими черными палатками тангуты тѣснились вдоль караванной дороги и одинъ за другимъ гордо подѣзжали къ нашему каравану, назойливо приставая съ разспросами. Огромныхъ псовъ, озлобленно бросавшихся на нашъ караванъ, въ особенности на собаку, тангуты не только не удерживали, но даже еще болѣе натравляли, на наши же замѣчанія этого не дѣлать, они зло смѣялись. Волей-неволей пришлось застрѣлить нѣсколькихъ тангутскихъ собакъ и тѣмъ обезпечить спокойное дальнѣйшее движеніе какъ среди этихъ тангутовъ, такъ еще болѣе среди тѣхъ изъ нихъ, которые кочевали на лучшихъ кукунорскихъ пастбищахъ.

Въ слѣдующіе четыре дня и перехода, съ 18-го по 21-е августа, экспедиція, оставивъ ущелье пройденныхъ горъ и взявъ направленіе къ востоку, прошла вдоль всего южнаго берега Куку-нора. Слева разстилалась голубая поверхность озера, нерѣдко пестрѣвшая высокими серебристыми волнами, глухо разбивавшимися о песчано-глинистые берега. Попутный вѣтеръ приносилъ запахъ озерной воды, надъ которой точками мелькали чайки, крачки, сѣрая цапля или длинной вереницей проносились утки, гуси, бакланы и другія плавающія пернатые. Справа тянулись горы, имѣвшія довольно однообразный характеръ. На всемъ пути имѣлись богатѣйшія пастбища, и остановки каравана можно было производить чуть не при первомъ желаніи. Нашъ проводникъ монголъ, съ грустью вспоминая былое, показалъ намъ между прочимъ полуостровъ или мысъ «Волчій загонъ», гдѣ когда-то его собратья на рѣзвыхъ коняхъ истребляли волковъ и вообще свободно носились отъ одного монгольскаго стойбища къ другому.

Въ теченіе первыхъ трехъ дней пути по берегу Куку-нора мы часто видѣли островъ Куйсу, а въ первые два дня кромѣ того и небольшой скалистый островокъ, расположенный къ юго-западу отъ главнаго и отстоящій въ десяти приблизительно верстахъ

разстоянія отъ южнаго берега. Главный островъ всего рельефнѣе намъ представлялся въ бинокль, конечно, при наибольшемъ къ нему приближеніи, и при болѣе удачномъ боковомъ освѣщеніи солнцемъ; этотъ островъ походилъ на военный корабль, если смотрѣть на него въ профиль; своею южною стороною Куйсу круто обрывался къ водѣ, въ которой совершенно терялись оба крыла острова. На плоской вершинѣ послѣдняго замѣтно было искусственное сооруженіе въ родѣ домика или кумирни. Испытавъ пригодность небольшой брезентно-пробковой лодки при плаваніи по альпійскимъ озерамъ, я въ слѣдующій разъ не отказался бы включить въ снаряженіе экспедиціи подобную же лодку, но только нѣсколько иного типа, и на которой можно было бы поплавать по обширному бассейну Куку-нора.

Двадцать второго августа, экспедиція поднялась на переваль Нара-сарэнъ-котуль, имѣющій 11.600 футовъ надъ моремъ. Покидая замкнутый внутренній бассейнъ, мы вступили во внѣшній. Съ вершины перевала въ западномъ направленіи можно было бросить прощальный взглядъ на Куку-норъ, красиво разстилавшійся своею темно-голубою поверхностью, на которой островъ Куйсу представлялся небольшимъ желтовато-сѣрымъ пятномъ, дрожавшимъ въ вибраціи воздуха.... На востокъ громоздился сонмъ горъ восточнаго Нань-шаня, скрывавшаго въ своихъ многочисленныхъ складкахъ впереди лежащія культурныя долины.

Тангуты ютились у самаго перевала, выше и ниже дороги, змѣею извивающейя по мягкому луговому скату, испещренному свѣтлыми ручейками. По мѣрѣ того, какъ мы спускались, горизонтъ сокращался, въ воздухѣ чувствовалось значительно теплѣе, населеніе увеличивалось, кочевники смѣнялись земледѣльцами. Дорога все болѣе оживлялась китайцами, тангутами и помѣсью тѣхъ и другихъ, такъ называемыхъ донгэр-ва, свободно владѣющихъ обоими языками. По сторонамъ дороги радовали глазъ полосы созрѣвшаго хлѣба—ячменя, пшеницы, овса—который уже начали убирать. Работа спорилась у трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, пріѣзжавшихъ обыкновенно на поля семьями и сопровождавшихъ свое любимое занятіе звонкой, монотонной пѣсенкой. Какой рѣзкій контрастъ въ природѣ и людяхъ на разстояніи всего лишь пятидесяти—шестидесяти верстъ! Послѣ пребыванія въ пастушеской странѣ было пріятно видѣть добродушныхъ селяковъ, смѣло и съ улыбкой спрашивавшихъ насъ: «куда идете?»—взамѣнъ, на-

примѣръ, кукунорскихъ номадовъ, которые косо, исподлобья смотря на тѣхъ же самыхъ людей, удирали безъ оглядки. Не вѣрилось, что мы уже близки къ жизни, напоминавшей собою и нашу, все еще далеко отстоявшую родину.

Двадцать четвертаго августа, въ десять часовъ утра, мы вступили въ долину Донгэрской рѣчки и удобно расположились лагерь въблизи южной стѣны города Донгэра. Населеніе словно по сигналу высыпало на берегъ рѣки, на крыши, чтобы позвать на пришлыхъ людей. Къ чести донгэрцевъ, они вели себя замѣчательно учтиво и послушно и въ теченіе двухъ сутокъ, проведенныхъ здѣсь экспедиціей, у насъ съ туземнымъ населеніемъ не произошло никакихъ непріятностей, наоборотъ, были самыя дружжелюбныя отношенія и не только въ Донгэрѣ, но и въ остальныхъ населенныхъ пунктахъ; расположенныхъ вдоль нашего пути по восточному Нань-шаню.

Донгэрскія власти оказались такими же предупредительными и вѣжливыми, какъ и все мѣстное населеніе: выслали чиновниковъ для встрѣчи экспедиціи и заранѣе позаботились отводомъ ей казенныхъ пастбищъ. Съ утра до вечера на нашемъ бивакѣ толпились продавцы хлѣба, яицъ, зелени; изрѣдка показывались и женщины, и дѣвушки съ воткнутыми цвѣтами. Обыкновенныя китайскія пшеничныя булки показались всѣмъ намъ вкуснѣе самыхъ изысканныхъ куличей или мелкихъ печеній, и мы съ волчьимъ аппетитомъ уничтожали ихъ въ огромнѣйшемъ количествѣ. Торговцы то и дѣло появлялись съ свѣжимъ хлѣбомъ, спѣша его сбыть не только за деньги, но и путемъ обмѣна на всѣ нужныя и ненужныя мелочи. Наши люди, положительно какъ школьники, съ радостнымъ смѣхомъ, бѣжали на встрѣчу булочникамъ и дѣлали запасы въ дорогу. Въ обыкновенное время, въ отрядѣ, ежедневно расходовался на продовольствіе цѣлый баранъ, теперь же благодаря обилію вкуснаго хлѣба, мы могли съѣдать только половину; къ тому же яйца и зелень наполняли и сильно разнообразили наше повседневное единственное общее для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, блюдо, заключавшееся въ бараньемъ мясѣ и сунѣ.

Тѣмъ временемъ изъ Синина возвратился В. О. Ладыгинъ, командированный еще изъ кукунорской долины. По свѣдѣніямъ, полученнымъ моимъ сотрудникомъ въ ямынѣ, въ Китаѣ продолжались сильныя беспорядки, войска раздѣлились на партіи, сильный билъ слабого; достаточно было неудовольствія между начальни-

ками, чтобы у подчиненныхъ завязался настоящій бой. Народъ ропталъ на массовыя казни столичныхъ сановниковъ и открыто радовался, что дядя богдыхана, опальный принцъ Тунъ, избѣжалъ смерти, скрывшись въ алатанской пустыни. Миссіонеры изъ страны изгнаны. Въ городахъ замѣтно большое раздраженіе вообще по адресу евронейцевъ, не пощадившихъ даже дворцовъ и храмовъ и смѣло накладывавшихъ руку на все цѣнное. Къ общему погрому примкнули и китайскіе солдаты, которые, сбросивъ форму, превратились въ торговцевъ, развозя награбленное по окраинамъ. Противъ нашей экспедиціи мѣстные китайцы ничего не имѣли, по крайней мѣрѣ, такъ сказали адъютанты Цинъ-цайя г. Ладыгину, замѣтивъ, однако, что экспедиціи слѣдуетъ быть крайне осторожной.

Утромъ, 26-го августа, экспедиція, раздѣлившись на двѣ партіи, оставила Донгэръ. Караванъ, во главѣ съ А. Н. Казнаковымъ, двинулся прямымъ путемъ въ монастырь Чойбзэнъ, я же налегкѣ въ сопровожденіи лишь В. Ѳ. Ладыгина, Бадмажанова и Бѣляева, направился въ Синицъ. Моя поѣздка мотивировалась желаніемъ повидаться съ Цинъ-цайемъ и лично принести ему благодарность за услуги, оказанныя имъ экспедиціи.

Для большаго удобства въ пути, я съ своими спутниками отправился верхомъ на наѣмныхъ лошадяхъ. Облачное небо и періодически перепадавшій дождикъ способствовали улучшенію нашего движенія по большой дорогѣ, пролегавшей вдоль береговъ Сининской рѣки. Послѣдняя бѣшено неслась по галечному крутому ложу, въ особенности въ мѣстахъ наибольшаго сближенія сопровождающихъ ее горныхъ уваловъ. По скату праваго берега красиво поднимался березовый лѣсъ, лѣвый же берегъ былъ почти сплошь укрытъ кустарниками и травами. Въ расширеніяхъ долины волновались пожелтѣвшія поля хлѣба. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія, горы отошли въ сторону, долина раздвинулась на нѣсколько верстъ. Наблюдателю открылось сплошное земледѣльческое населеніе; поля, мѣстами наполовину сжатые, красиво поднимались на плоскія сопки; самый путь кромѣ того разнообразился китайцами, донгэр-ва, дунганями, ѣхавшими или направлявшимися пѣшкомъ въ ту или другую сторону. Тамъ и сямъ по дорогѣ стояли селенія, постоянные дворы или небольшія лавчонки, въ которыхъ дремали лѣнливые и апатичные курильщики опиума; разносчики и продавцы пельменей громко стучали въ свои торговые ба-

рабаны; по улицамъ селеній важно расхаживали куры, свиньи и маленькія курносенькія китайскія собачки, часто украшенныя грѣмящими ошейниками. Общее пріятное впечатлѣніе нѣсколько омрачалось многими развалинами селеній, не успѣвшихъ еще возродиться послѣ грознаго мятежа магометанъ.

Приблизительно на половинномъ разстояніи пути, мы перебрались по мосту на правый берегъ рѣки, по которому пришлось слѣдовать до самаго Синина. Неподалеку отъ этого города, начавшаго обрисовываться своими шаблонными крѣпостными стѣнами, мы проѣзжали вдоль холмовъ, расположенныхъ на открытой равнинѣ. Согласно преданію, холмы эти нѣкогда спасли Сининъ отъ непріятеля, осаждавшаго городъ съ запада. Находчивый комендантъ прикрылъ искусственные холмы печенымъ хлѣбомъ и тѣмъ будто бы отвлекъ вниманіе врага, замѣтившаго: «Сининъ изморомъ не возьмешь, его гарнизонъ располагаетъ цѣлыми горами хлѣба».

У западной крѣпостной башни, превосходно выложенной изъ сѣраго камня, мы переправились черезъ быструю, довольно многоводную рѣчку, впадающую недалеко отсюда въ Сининъ-хэ, и вошли арочнымъ входомъ въ городъ. Нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на башнѣ, тупо бессмысленно глядѣли изъ-за бойницъ въ нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на насъ при вступленіи въ узкія, многолюдныя торговыя улицы, гдѣ тотчасъ образовалась толпа досужихъ зѣвакъ, послѣдовавшихъ за нами. У купцовъ, сидѣвшихъ за прилавками магазиновъ, вытягивались фізіономіи и они на время забывали свое дѣло; многіе почему-то громогласно считали насъ по головамъ, не стѣсняясь указывать пальцемъ. Мальчишки забѣгали впередъ, толпились, сбивали другъ друга съ ногъ и задерживали встрѣчныхъ, упрямые ослики становились поперекъ дороги, громко орали, заставляя спрыгивать сѣдоковъ,—словомъ, обычная городская картина, наблюдая которую мы незамѣтнымъ образомъ прибыли къ торговому дому Цянь-тай-мао. Послѣ нѣкотораго смущенія и нерѣшительности, приказчики открыли ворота и впустили во дворъ моихъ людей и лошадей, я же съ Ладыгинымъ прошелъ черезъ магазинъ въ помѣщеніе купцовъ, которые заранѣе отвели для насъ двѣ комнаты. Сопровождавшій насъ купецъ шепнулъ на ухо моему сотруднику, что онъ опасается за нашу безопасность: «толпа возбуждена, страсти ея могутъ возгорѣться при малѣйшей нетактичности съ нашей стороны, вѣдь народъ не можетъ забыть, что вы,

европейцы, принудили богдыхана оставить столицу и бѣжать чуть не пѣшкомъ внутрь страны». Позднее вечернее время заставило однако зѣвакъ скоро разойтись, а нашихъ купцовъ успокоиться и приготовить для насъ ужинъ, а затѣмъ, оставить насъ въ покоѣ.

На утро, приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитами, о чемъ В. Ѳ. Ладыгинъ уже успѣлъ предупредить Цинъ-цайя и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ Синина. Средствомъ передвиженія я избралъ китайскую закрытую телѣжку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. Ѳ. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинъ-цай-Банъ-ши-да-чень, бывшій сыланъ инородческаго приказа, родомъ маньчжуръ—Ко-пу-гун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ, онъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Послѣ обычныхъ привѣтствій Цинъ-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкою началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета.— «Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что глядя на васъ самъ молодѣешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоценности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здоровыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожнѣе другой; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цай-дама, доставившихъ мнѣ отрадныя извѣстія, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствованіе и смѣло надѣется на таковое же возвращеніе». Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Банъ-ши-да-чень искусно перешелъ на другую тему:— «васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды!» Поблагодаривъ Цинъ-цайя еще разъ за его предупредительность и любезность, много

разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тайю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай тоже маньчжуръ, переведенъ въ Сининъ изъ Кульджи, гдѣ занималъ подобную же должность. Въ Кульджѣ онъ былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ В. М. Успенскимъ и прочими членами російскаго консульства. Представительный, молодцоватый дао-тай тѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали, по признанію самого хозяина, было то, что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ вѣсти пропала шестнадцатилѣтняя красавица дочь... Справившись съ собой дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы: много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ ли я самъ географическими новостями и всякаго рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путешествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе губернаторъ замѣтилъ: «слава Богу, что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше, и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки, на будущее время, избѣгайте такихъ дикихъ мѣстъ». Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любить и къ которому его пріучили русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ моему сотруднику коробочку папирозъ; видя, что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покуривалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отдѣланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и бронзой. Въ пріемной губернатора, какъ и въ пріемной Цинъ-цайя, стоялъ его многочисленный дворъ—адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ, послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же, въ бумажныя отверстія оконъ, смотрѣло также не мало глазъ женщинъ изъ семьи дао-тайя и доносился ихъ мягкій, пріятный голосъ.

Разставшись съ дао-тайемъ, мы черезъ четверть часа были у

чжень-тайя, командующаго войсками сининскаго гарнизона. По слухамъ, чжень-тай состоялъ виднымъ членомъ анти-европейскаго общества «гэ-лаогуй» или «Общество братьевъ», что не мѣшало ему быть по отношенію къ намъ не только корректнымъ, но даже изысканно-вѣжливымъ и гостепріимнымъ. Несмотря на свои немолодые годы, чжень-тай выглядѣлъ очень хорошо: держался ровно, ходилъ скоро. Громкій голосъ и величавая осанка изобличали въ немъ настоящаго командира. Послѣ того какъ мы попривѣтствовали другъ друга, командующій войсками поинтересовался знать, къ какой я принадлежу національности; послѣдующій же разговоръ былъ приблизительно тотъ же, что и прежде. Къ удовольствію обоихъ насъ, у меня съ чжень-тайемъ оказался общій знакомый—бельгіецъ Paul Spingardt, состоявшій на китайской службѣ въ Су-чжоу, о которомъ чжень-тай вспоминалъ, какъ о своемъ искреннемъ другѣ, скорбя, что его жена съ частью многочисленныхъ дѣтей находится теперь въ крайне тяжеломъ состояніи; самъ же Сплингардъ въ это время пребывалъ гдѣ-то въ восточномъ Китаѣ. Передъ отъѣздомъ чжень-тай пригласилъ насъ къ себѣ на послѣзавтра на обѣдъ.

Впереди предстояло намъ еще два визита къ младшимъ лицамъ мѣстной администраціи, заѣхавъ къ которымъ, мы поспѣшили домой; признаться я сильно усталъ въ необычной обстановкѣ и по пріѣздѣ къ себѣ на квартиру тотчасъ сбросилъ парадное одѣяніе, облекся въ лѣтнюю тужурку и вышелъ во дворъ подышать воздухомъ. Дворъ нашихъ хозяевъ отличался опрятностью, значительная его часть имѣла досчатую настилку; у одной изъ сторонъ двора красовались клумбы свѣжей зелени и яркихъ цвѣтовъ. Огромный пестъ лѣниво лаялъ съ верхней галлеріи, откуда онъ спускался по ночамъ внизъ, для несенія сторожевой службы. На крышѣ дома рѣзвилось множество голубей, одни взвивались и улетали, другіе, съжившись въ комочекъ, сидѣли неподвижно, третьи громко ворковали, два же самыхъ красивыхъ сизо-розовыхъ голубя такъ озлобленно дрались, что не замѣтили, какъ ихъ общій врагъ—кошка, стремительно бросившись, схватила одного изъ нихъ и чуть-чуть не задушила, если бы во-время не подоспѣлъ мѣткій ударъ, заставившій кошку моментально бросить голубя и бѣжать безъ оглядки. Освобожденный голубь вспорхнулъ и полетѣлъ, оставивъ за собой не мало перьевъ, медленно падавшихъ на землю.

На слѣдующій день, 28-го августа, я принималъ у себя синин-

скихъ представителей; старшіе изъ нихъ жаловали ко мнѣ въ паланкинахъ, младшіе пріѣзжали въ телѣжкахъ или просто верхомъ на отличныхъ иноходцахъ, убранныхъ богатыми сѣдлами. Каждого изъ китайскихъ чиновниковъ сопровождала болѣе или менѣе многочисленная свита, имѣвшая въ хвостѣ не мало праздныхъ добровольцевъ. Въ общемъ разговоръ былъ тотъ же, что и вчера съ незначительнымъ лишь дополненіемъ, касающимся жизни самихъ чиновниковъ на этой окраинѣ.

Наканунѣ оставленія Синина, въ два часа дня, мы отправились на званый обѣдъ къ чжень-тайю. Толпа, ориентировавшаяся по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать нашъ экипажъ, по какъ и прежде, она была крайне сдержана: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ея обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета—«ян-гуйцзэ», т. е. «заморскій дьяволъ». Подѣхавъ къ дому чжень-тайя и миповавъ его нервыя двое воротъ, мы вышли изъ тряской телѣжки и послѣдовали пѣшкомъ въ третьи ворота, за которыми уже увидѣли предупредительнаго чжень-тайя, окруженнаго блестящей свитой. Послѣ привѣтственныхъ рукопожатій, мы направились въ тѣсной компаніи подъ звуки китайскаго оркестра въ большую, открытую съ боковъ, столовую, расположенную напротивъ домашняго театра. Въ столовой мы были представлены четверемъ сослуживцамъ командующаго войсками, принимавшимъ участіе въ званомъ обѣдѣ. Большой круглый столъ былъ уже уставленъ всевозможными, исключительно, китайскими яствами, помѣщавшимися въ многочисленныхъ—большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ—чашечкахъ. Хозяинъ учтиво сдѣлалъ знакъ гостямъ приблизиться къ отдѣльному столу съ закуской. Приглашенная компанія чинно повиновалась и каждый изъ гостей, взявъ по маленькому блюдечку сладкаго, принялся кушать; затѣмъ сѣли за обѣденный столъ. Мнѣ было отведено почетное мѣсто, во главѣ стола; прочіе гости размѣстились согласно ихъ служебному рангу, и, наконецъ, самъ хозяинъ занялъ стулъ, стоявшій нѣсколько поодаль отъ прочихъ, не имѣя у себя *vis-à-vis*.

Первая часть обѣда длилась около двухъ часовъ; сколько подавалось блюдъ трудно сказать, но думаю около тридцати или сорока. Послѣ каждого блюда хозяинъ дома поднималъ маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогрѣтымъ виномъ, и обводя глазами гостей, призывалъ ихъ то же самое сдѣлать, чтобы одновременно всѣмъ осушить чарочки. Большинство блюдъ были очень

вкусныя, какъ и вообще обѣдъ, и съ китайской точки зрѣнія, по заключенію В. Ѳ. Ладыгина, не оставлялъ желать ничего лучшаго, хотя, конечно, чжень-тай извинялся за «скромное» содержаніе блюда, ссылаясь на отдаленность приморскихъ городовъ, въ которыхъ только и можно достать тонкія гастрономическія принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я съ своимъ сотрудникомъ были усердно заняты ѣдою, во время которой вообще у китайцевъ не принято много разговаривать; по выходѣ же изъ-за стола, въ теченіе четверти часа, у гостей шелъ оживленный разговоръ. Сосѣдъ по столу В. Ѳ. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаецъ убѣдительно просилъ моего сотрудника добыть ему лѣкарства или указать иной способъ избавиться отъ куренія опиума, въ конецъ разрушившаго его организмъ. Вторая или заключительная часть обѣда прошла сравнительно скоро; сонныя, покраснѣвшія лица гостей свидѣтельствовали объ ихъ желаніи отправиться по домамъ и отойти на часъ—другой въ область Морфея. Необходимо добавить, что въ продолженіе обѣда на театральнѣй сценѣ шли различныя представленія и игралъ смѣшанный оркестръ; костюмы и гримъ были очень интересные. Всѣ актеры—мужчины; женскія роли избираютъ молодые китайцы, имѣющіе женственные лица и умѣющіе подражать женщинамъ какъ манерами, такъ и голосомъ. Больше всѣхъ привлекалъ вниманіе гостей красивый, изящный мальчикъ и, какъ актеръ, казался несравненнымъ, въ особенности въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣйствія: его красота и плавность движеній были просто очаровательны, какъ очаровательна и самая игра, привыкшаго къ похваламъ красавца-мальчика. Въ антрактахъ, гости посылали актерамъ денежные подарки, за что послѣдніе прибѣгали просить указаній на послѣдующія темы.

Званный обѣдъ видимо вполне удался; по крайней мѣрѣ на лицѣ хозяина сіяла неподдѣльная улыбка.

Пріютившіе насъ китайцы-купцы были очень рады нашимъ превосходнымъ отношеніямъ съ сининской администраціей. Отъ начала до конца они оказывали всѣмъ намъ полное вниманіе и постоянную готовность служить интересамъ экспедиціи. Правда, китайцы пользовались случаемъ нажать съ насъ отъ продажи для экспедиціи различныхъ предметовъ, кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду получить, и дѣйствительно получилъ, на память о пребываніи русскихъ какую-нибудь вещицу. Само собою разу-

мѣется, что представители власти въ Сининѣ были своевременно надѣлены соответствующими ихъ положенію подарками.

На этомъ и окончилось наше пребываніе въ Сининѣ. Мнѣ стало недоставать моей экспедиціонной семьи, которая теперь уже бивакировала подлѣ монастыря Чойбзэнъ, отстоявшаго въ 50—60 верстахъ къ сѣверу, и мы стали энергично собираться въ дорогу. Багажа у насъ теперь набралось порядочно и мы наняли четыре парныхъ телѣжки, запрягаемыя лошадьми или мулами. Въ качествѣ проводниковъ предупредительный чжень-тай прислалъ мнѣ почетный эскортъ въ нѣсколько человѣкъ солдатъ съ офицеромъ во главѣ.

Раннимъ утромъ, 30-го августа, мы оставили большой шумный городъ, расположенный въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега рѣки Сининъ-хэ, черезъ которую намъ пришлось переправиться въ бродъ въ виду самаго Синина. Означенная рѣка стремительно катила свои сѣрыя волны въ восточно-юго-восточномъ направленіи, дробясь на три главныхъ и еще на большее число второстепенныхъ рукавовъ. Падавшіе въ горахъ дожди значительно повысили уровень рѣки, и наши телѣжки погружались до самыхъ сидѣній, т. е. на глубину трехъ футовъ. Сильныя животныя, привычныя къ подобнаго рода переправамъ, прошли черезъ рѣку вполне благополучно. Дальнѣйшее наше движеніе шло вверхъ по правому берегу Синченской рѣчки, впадающей въ Сининъ-хэ слѣва, противъ самаго города Синина.

Около полудня съ сѣверо-запада пришла мрачная грозовая туча, въ воздухѣ пахнуло свѣжестью; позднѣе стали доноситься тяжелые раскаты грома и чаще засверкала змѣеобразная молнія; по крышѣ телѣжки забарабанили крупныя капли дождя. Китайскіе селяки, оставивъ поля, спѣшили по домамъ. Въ послѣдующіе полчаса туча развернулась по всему видимому небосклону и полилъ мелкій дождь, словно сквозь сито. Къ счастью, мы уже достигли пригорода Синь-чена и въ первомъ заѣзжемъ домѣ пріютились на ночевку.

Дождь продолжалъ падать не только въ продолженіе ночи, но и въ продолженіе слѣдующаго утра, когда мы, оставивъ Синь-ченъ и его живописныя горы, по вершинамъ которыхъ красовались маленькія пагоды, направились въ сторону отъ рѣчки, въ боковое второстепенное ущельице, постепенно выведшее насъ на вершину поперечныхъ горъ, за которыми располагался Чойбзэнъ. Съ плоской луговой вершины, дѣйствительно, открылся видъ на чойбзэн-

скую долину и на тѣ холмы, надъ которыми блестяла золотая крыша чойбзэнскаго храма и подлѣ которыхъ располагался экспедиціонный бивакъ, рѣзко выдѣлявшійся своими бѣлыми шатрами. Еще часъ—другой нетерпѣливаго медленнаго движенія по крутому склону, поросшему густымъ кустарникомъ, и мы были среди своего роднаго кружка.

П. Козловъ.

